

№ 11 (181)
ноябрь

2011

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александрo-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению
Преоcвященнейшего Максима, епископа Барнаульскаго и Алтайскаго

*Рождественский
пост
с 28 ноября по 6 января*

С. Ю. Жуковский
«Храм Рождества Богородицы» Звенигород

ПРОПОВЕДЬ

СВЯЩЕННИК
АЛЕКСАНДР ЕЛЬЧАНИНОВ

«СВЯТАЯ ВРЕМЯ БЛАГОПРИЯТНО, И ДЕНЬ ОЧИЩЕНИЯ»

Беседа перед исповедью

Время, когда мы можем отложить тяжкое бремя греховное, разорвать вериги греха: «скинию падшую и сокрушенную» нашей души увидеть вновь обновленной и светлой. Но к этому блаженному очищению ведет не легкий путь.

Мы еще не приступили к исповеди, а душа наша слышит искушающие голоса: «Не отложить ли? Достаточно ли приготовлен, не слишком ли часто говение?» Нужно дать твердый отпор этим сомнениям. «Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению» (Сирах, 2, 2). Если ты решил говеть, — явится множество препятствий, внутренних и внешних: они исчезают, как только проявишь твердость в своих намерениях.

В частности, вопрос о частой исповеди: надо исповедываться много чаще, чем это у нас принято; по крайней мере во всех четырех постах. Нам, одержимым «дреманием ленным», неисканным в покаянии, необходимо вновь и вновь учиться каяться; это, во-первых; а во-вторых — необходимо тянуть какую-то ниточку от исповеди к исповеди, чтобы промежутки между периодами говения были наполнены духовной борьбой, усилиями, питаемыми впечатлениями от последнего говения и возбуждаемыми ожиданием близкой новой исповеди.

Другой смущающий вопрос, это вопрос до духовника: к кому идти? Держаться ли одного во что бы то ни стало? Можно ли менять? В каких случаях? Опытные в духовной жизни отцы утверждают, что менять не следует, даже если

это только твой духовник, а не духовный отец, руководитель твоей совести. Бывает, правда, что после удачной исповеди у священника, последующие исповеди у него же выходят какими-то вялыми и слабо переживаются, и тогда является мысль о перемене духовника. Но это — недостаточное основание для такого серьезного шага. Не говоря уже о том, что наши личные ощущения на исповеди не касаются существа таинства, — недостаточный духовный подъем во время исповеди часто бывает знаком нашего собственного духовного неблагополучия. Об этом о. Иоанн Кронштадтский говорит: «Покаяние должно быть совершенно свободное и никак не вынужденное лицом исповедующим». Для человека, действительно страдающего язвой своего греха, — безразлично, через кого он исповедует этот томящий его грех; лишь бы как можно скорее исповедать его и получить облегчение. Другое дело, если мы, оставив существо таинства покаяния, идем на исповедь для беседы. Вот тут-то и важно различать исповедь от духовной беседы, которая может совершаться и вне таинства, и лучше, если совершается отдельно от него, так как беседа, хотя и о духовных предметах, может рассеять, расхолодить исповедующегося, вовлечь в богословский спор, ослабить остроту покаянного чувства.

Исповедь не есть беседа о своих недостатках, сомнениях, не есть осведомление духовника о себе и менее всего — не «благочестивый обычай». Исповедь — горячее покаяние сердца, жажда очищения, идущая от ощущения святости, умирание

для греха и оживание для святости. Раскаянность — уже степень святости, и бесчувственность, неверие — положение вне святости, вне Бога.

Разберемся, как нам относиться к таинству покаяния, что требуется от приходящего к таинству, как к нему готовиться, что считать важнейшим моментом (в той части таинства, которая касается исповедующегося).

Несомненно, первым действием будет испытание сердца. Для этого и положены дни подготовки к таинству (говение). «Видеть грехи свои в их множестве и во всей их гнусности — действительно, есть дар Божий», говорит о. Иоанн Кронштадтский. Обычно, люди неопытные в духовной жизни, не видят ни множественности своих грехов, ни их «гнусности». «Ничего особенного», «как у всех», «только мелкие грехи» — «не украл, не убил» — таково обычное начало исповеди у многих. А самолюбие, перенесение укоров, черствость, человекоугодие, слабость веры и любви, малодушие, духовная лень — разве это не важные грехи? Разве мы можем утверждать, что достаточно любим Бога, что вера наша действительна и горяча? Что каждого человека мы любим, как брата во Христе? Что мы достигли кротости, безгневия, смирения? Если же нет, то в чем заключается наше христианство? Чем объяснить нашу самоуверенность на исповеди, как не «окаменным нечувствием», как не «мертвостью сердечной, душевной смертью, телесную предварающей»? Почему святые отцы, оставившие нам покаянные молитвы, считали себя первыми из грешни-

ков, с искренней убежденностью зывали к Иисусу Сладчайшему: «Никто же согреша на земли от века, якоже согреших аз океаный и блудный», а мы убеждены, что у нас все благополучно! Чем ярче свет Христов озаряет сердца, тем яснее сознаются все недостатки, язвы и раны. И наоборот: люди, погруженные в мрак греховный, ничего не видят в своем сердце; а если и видят, то не ужасаются, так как им не с чем сравнивать.

Поэтому прямой путь к познанию своих грехов это — приближение к свету и молитва об этом свете, который есть суд миру и всему «мирскому» в нас самих (Ио. 3, 19). А пока нет такой близости к Христу, при которой покаянное чувство является нашим обычным состоянием, надо, готовясь к исповеди, проверять свою совесть — по заповедям, по некоторым молитвам (например, 3-я вечерняя, 4-я перед причащением), по некоторым местам Евангелия (например, По. 5 гл., Римл. 12г., Ефесс. 4, поел. Иакова, особенно гл. 3).

Разбираясь в своем душевном хозяйстве, надо постараться различать основные грехи от производных, симптомы от более глубоких причин. Например, очень важны, — рассеянность на молитве, дремота и невнимание в церкви, отсутствие интереса к чтению Священного Писания; но не происходят ли эти грехи от маловерия и слабой любви к Богу? Нужно отметить в себе своеволие, непослушание, самооправдание, нетерпение упреков, неуступчивость, упрямство; но еще важнее открыть их связь с самолюбием и гордостью. Если мы замечаем в себе стремление к обществу, словоохотливость, насмешливость, усиленную заботу о своей наружности и не только своей — но своих близких, обстановке дома — то надо внимательно исследовать, не является ли это формой «многообразного тщеславия». Если мы слишком близко принимаем к сердцу житейские неудачи, тяжело переносим разлуку, неутешно скорбим об отшедших, то, кроме силы и глубины наших чувств, не свидетельствует ли все это также о неверии в Промысл Божий?

Есть еще одно вспомогательное средство, ведущее нас к познанию своих грехов, — вспоминать, в чем обычно обвиняют нас другие люди, особенно бок о бок с нами живущие, близкие: почти всегда их обвинения имеют основания.

Необходимо еще перед ис-

поведью просить прощения всех, перед кем виновен, идти к исповеди с неотягощенной совестью.

При таком испытании сердца нужно следить, чтобы не впасть в чрезмерную мнительность и мелочную подозрительность ко всякому движению сердца; ставши на этот путь, можно потерять чувство важного и неважного, запутаться в мелочах. В таких случаях надо временно оставить испытание своей души и, посадивши себя на простую и питательную духовную диету, молитвой и добрыми делами упростить и прояснить свою душу.

Приготовление к исповеди не в том, чтобы возможно полно вспомнить и записать даже свой грех, а в том, чтобы достигнуть того состояния сосредоточенности, серьезности и молитвы, при которых, как при свете, станут ясны грехи. Иначе — приносить духовнику надо не список грехов, а покаянное чувство, не детально разработанную диссертацию, а сокрушенное сердце.

Но знать свои грехи, это еще не значит — каяться в них. Правда, Господь принимает исповедание — искреннее, добросовестное, — когда оно и не сопровождается сильным чувством раскаяния (если мы исповедуем мужественно и этот грех — наше «окамененное нечувствие»). Все же «сокрушение сердца», скорбь о грехах своих, есть важнейшее из всего, что мы можем принести на исповедь. Но что же делать, если «иссохшие греховным пламенем» наше сердце не орошается живительными водами слез? Что, если «немошь душевная и плоти неможение» так велики, что мы не способны на искреннее покаяние? Это все-таки не причина откладывать исповедь — Бог может коснуться нашего сердца и в течение самой исповеди: само исповедывание, наименование наших грехов может смягчить наше сердце, утончить духовное зрение, обострить покаянное чувство. Больше же всего к преодолению нашей духовной вялости служат приготовления к исповеди, пост, который, истощая наше тело, нарушает гибельное для духовной жизни наше телесное благополучие и благодушие, молитва, ночные мысли о смерти, чтение Евангелия, житий святых, творений св. отцов, усиленная борьба с собой, упражнение в добрых делах. Наше бесчувствие на исповеди большею частью имеет своим корнем отсутствие страха Божия и скрытое неверие. Сюда и должны быть направлены наши усилия. Вот почему так важны слезы на испове-

ди — они размягчают наше окаменение, потрясают нас «от верху до ногу», упроцают, дают благодетельное самозабвение, устраняют главное препятствие к покаянию, нашу «самость». Гордые и самолюбивые не плачут. Раз заплакал, значит — смягчился, истаял, смирился. Вот почему после таких слез — кротость, безгневие, умягченность, умиленность, мир в душе у тех, кому Господь послал «радостотворный (творящий радость) плач». Не нужно стыдиться слез на исповеди, нужно дать им свободно литься, омывая наши скверны.

Третий момент исповеди — словесное исповедание грехов. Ненужно ждать вопросов, надо самому сделать усилия; исповедь есть подвиг и самопринуждение. Говорить надо точно, не затемняя неприглядность греха общими выражениями. Очень трудно, исповедуясь, избегнуть соблазна самооправдания, попыток объяснить духовнику «смягчающие обстоятельства», ссылок на третьих лиц, введших нас в грех. Все это признаки самолюбия, отсутствия глубокого покаяния, продолжающегося коснения в грехе. Иногда на исповеди ссылаются на слабую память, не дающую, будто, возможности вспомнить грехи. Действительно, часто бывает, что мы легко забываем свои грехопадения; но происходит ли это только от слабой памяти? Ведь, например, случаи, особенно больно задевшие наше самолюбие, или, наоборот, польстившие нашему тщеславию, наши удачи, похвалы по нашему адресу — мы помним долгие годы. Все, что производит на нас сильное впечатление, мы долго и отчетливо помним, и, если мы забываем наши грехи, то не значит ли это, что мы не придаем им серьезного значения?

Знак совершившегося покаяния — чувство легкости, чистоты, неизъяснимой радости, когда грех кажется так же труден и невозможен, как только что далека была эта радость.

Раскаяние наше не будет полным, если мы, каясь, не утвердимся внутренне в решимости не возвращаться к исповеданному греху. Но, говорят, как это возможно? Как я могу обещать себе и своему духовнику, что я не повторю своего греха? Не будет ли ближе к истине как раз обратное — уверенность, что грех повторится? — Ведь, опытом своим, всякий знает, что через некоторое время неизбежно возвращаешься к тем же грехам; наблюдая за собой из

года в год, не замечаешь никакого улучшения, «подпрыгнешь — и опять останешься на том же месте!» — Было бы ужасно, если бы это было так. Но, к счастью, это не так. Не бывает случая, чтобы, при наличии доброго желания исправиться, последовательные исповеди и св. Причастие не произвели бы в душе благодетельных перемен. Но дело в том, что — прежде всего — мы не судьи самим себе; человек не может правильно судить о себе, стал ли он хуже или лучше, так как и он, судящий, и то, что он судит — величины меняющиеся.

Возросшая строгость к себе, усилившая зрячесть духовная, обостренный страх греха могут дать иллюзию, что грехи умножились и усилились: они остались те же, может быть, даже ослабели, но мы их раньше не так замечали. Кроме того, Бог, по особому Промышлению Своему, часто закрывает нам глаза на наши успехи, чтобы защитить нас от злейшего греха — тщеславия и гордости. Часто бывает, что грех-то остался, но частые исповеди и причащение Св. Тайн распатали и ослабили его корни. Да сама борьба с грехом,

страдания о своих грехах — разве не приобретение? «Не устрашайся», говорил Иоанн Лествичник, «хотя бы ты падал каждый день, и не отходил от путей Божьих; стой мужественно, и Ангел, тебя охраняющий, почитит твое терпение».

Если же нет этого чувства облегчения, возрождения, надо иметь силы вернуться опять к исповеди, до конца освободить свою душу от нечистоты, слезами омыть ее от черноты и скверны. Стремящийся к этому всегда достигнет того, чего ищет.

ЛЕСТВИЦА ДУХОВНАЯ

ПРЕПОДОБНЫЙ ИСААК СИРИН

Чтобы сохранить себя от греха, необходимо удаляться от причин порождающих грех

Преподобный Исаак Сири́н, епископ Ниневийский, жил в VII веке. Мало кто так сильно запечатлел евангельскую любовь и сострадание как преподобный Исаак. И ад, по Исааку, — любовь Божья, которые грешники воспринимают как боль и страдание, именно потому, что они грешники — грех в неприятии любви, в ненависти к любви.

Есть грех, совершаемый по немощи, в которой человек увлекается непроизвольно; и есть грех, совершаемый произвольно, и по неведению. Бывает также, что иной сделает грех по какому-нибудь случаю, и еще — по закоснению и

навыку во зло. Вот все виды грехов; и хотя все они достойны порицания, однако же, по сравнении положенных за грехи наказаний, оказывается, что один больше другого. На иного падает наибольшее осуждение, и с трудом приемлется от него покаяние, а грех иного близок к прощению. И как Адам, Ева и змий, хотя все прияли от Бога воздаяние за грех, однако же весьма в различной мере подверглись проклятию, так бывает и с сынами их: каждому тяжесть наказания соразмеряется с намерением его и пристрастием ко греху. Если кто, не имея желания служить греху, по нерадению о добродетели увлекается в грех, потому что не упражнялся в добродетели, то тяжело такому пребывать во грехе; да и наказание его тяжело. А если случится, что иной радеющий о добродетели искушен будет каким-либо прегрешением, то, без сомнения, близка к нему милость, чтобы очистить его грех.

Инаков есть грех, совершаемый, когда человек оказывается радеющим о добродетели и постоянным в делании, так что и ночью не спит, заботясь, чтобы не потерпеть ущерба в том, о чем у него попечение, и днем всюду носит с собою бремя свое, и вся забота его о добродетели, но при сих и подобных сим попечениях, или по неведению какому, или от каких-либо препятствий на пути его, т. е. на пути добродетели,

и от волн, во всякое время воздымающихся в членах его, или вследствие уклонения, попущенного ему для испытания его свободы, весовая чаша у него склоняется несколько влево, и телесною немощию увлекается он в один из видов греха; и при этом скорбит, тужит, болезненно вздыхает он о душе своей, по причине бедствия, приключившегося ему от противных.

Инаков же грех, когда человек оказывается слабым и нерадивым в делании добродетели, совершенно оставил путь ее, рабски стремится в послушание всякому греховному наслаждению, оказывает рвение изыскивать средства к полнейшему наслаждению, подобно какому-нибудь рабу, готов со тщанием выполнить волю врага своего и члены свои уготовить в оружие диаволу со всяким ему послушанием, нимало не намерен подумать о покаянии, приблизиться к добродетели, пресечь зло и положить конец пагубному пути своему.

Инаков грех от посползновений и падений, какие могут приключиться на пути добродетели и на стезе правды. Ибо, по словам Отцов, на пути добродетели и на стезе правды встречаются падения, препятствия, принуждения и тому подобное.

Иное же дело — падение души, всецелая ее гибель, совершенное оставление. Кто явно принадлежит к числу таковых, тот, когда падет, да не забывает любви Отца своего; но, если приключится ему впасть и в многоразличные прегрешения, да не перестает радеть о добре, да не останавливается в своем течении, но и побеждаемый снова да восстает на борьбу со своими противниками, и ежедневно да начинает полагать основание разрушенному зданию, до самого исхода своего из мира сего имея во устах пророческое слово: «не радуйся о мне, противник мой, яко падох; ибо снова восстану. Аще сяду

во тме, Господь озарит мя» (Мих. 7, 8); и нимало да не прекращает брани до самой смерти, пока есть в нем дыхание. И Господь, призвав на подвиг его и умилосердившись над сокрушением его, не ниспошлет ему милость Свою, и не даст ему сильных побуждений (крепости сил) встретить и вытерпеть разжженные стрелы врага. Такова премудрость, подаваемая от Бога; таков мудрый большой, не теряющий надежды своей.

Тело не соглашается жить без удовлетворения нужд его, пока окружено тем, что служит к наслаждению и к расслаблению, и ум не может удержать его от этого, пока оно не будет устранено от всего производящего расслабление. Ибо, когда открыто пред ним зрелище наслаждения и сует и каждый почти час видит служащее к расслаблению, тогда пробуждается в нем пламенное пожелание сего и, как бы разжигая его, раздражает. Посему-то Искупитель Господь обязавшемуся идти во след Его всепремудро и весьма хорошо заповедал: обнажиться и выйти из мира (Мф. 19, 21), потому что человек должен сперва отринуть все, служащее к расслаблению, и потом приступать к делу. И Сам Господь, когда начал брань с диаволом, вел оную в самой сухой пустыне. И Павел приемлющим на себя крест Христов советует выйти из града. «Да исходим к Нему, — говорит, — вне града, и примем поношение Его» (Евр. 13, 12, 13), потому что пострадал Он вне града. Ибо, если отлучит себя человек от мира и от всего, что в мире, скоро забывает прежнюю свою привычку и прежний образ жизни, и долгое время не трудится над этим. А от приближения его к миру и к вещам мирским скоро расслабевает сила ума его. Ибо, когда удалены от человека причины расслабляющие, нет ему опасности в двояковой брани — внутренней и внешней. И таким образом человек, который вдали от себя имеет служащее к удовольствию, без труда одерживает победу в сравнении с тем, у которого вблизи возбуждающее его к вожделению. Ибо здесь сугубый подвиг.

Когда человек желает иметь только нужное для поддержания тела его, тогда и потребности его делаются удобопренебрегаемыми (т. е. малым количеством пищи). Такие средства скоро доводят человека до того, что приступает он к подвижничеству с нескорбным и беспечальным помыслом. Человек, когда приходит к Богу, делает с Богом завет воздерживаться: не засматриваться на лицо женское, не смотреть на красивые лица, не питать ни к чему вожделения, не роскошествовать, не смотреть на нарядные одежды, не смотреть на всякий порядок, заведенный у мирян, не слушать слов их и не любопытствовать о них, потому что страсти приобретают большую силу от сближения со всем подобным сему, как расслабляющим подвижника и изменяющим мысли его и намерения. И если воззрение на что-либо хорошее возбуждает произволение истинного ревнителя и склоняет к совершению добра, то явно, что и противоположное сему имеет силу пленять ум. И если с безмолвствующим умом не случается чего-либо большего, а только ввергает он себя в бранный подвиг, то и это великая уже утрата — самому себя из мирного состояния произвольно ввергнуть в смущение.

Человек, когда он в благодати безмолвия и в теплоте воздержания, тогда действительно бывает в покое от многих страстей; если же входит в мирские дела, то видит тогда, как восстает каждая страсть, подымлет главу свою, особливо если ощутит воню покоя. Сказал же я это для того, чтобы никто не предавался самонадеянности, пока живет в сем теле и пока не умрет; хотелось мне также показать, что убегать и удаляться

от всего, что ведет к порочной жизни, много помогает человеку в подвижническом борении. Всегда должно нам бояться того, о чем одно воспоминание причиняет нам стыд, и также не попирает совести и не пренебрегать ею. Итак, попытаемся удалить тело на время в пустыню, и заставим его приобрести терпение. А что всего важнее, пусть каждый (хотя бы это и прискорбно было для него, но зато нечего уже будет ему бояться) старается, где бы он ни был, удаляться от причин брани, чтобы, когда придет потребность, не пасть ему от близости оных.

Всем известно, что всякой борьбе со грехом и вожделением служит началом труд бдения и поста, особливо же если кто борется с грехом, внутрь нас пребывающим.

Греховное наслаждение побеждается только ненавистью к причинам греха.

Пока не возненавидит кто причины греха воистину от сердца, не освобождается он от наслаждения, производимого действием греха. Это есть самое лютое борение, противящееся человеку даже до крови; в нем искушается его свобода в единстве любви его к добродетелям. Это есть та сила, которую называют раздражением и ополчением, от обоняния которых изнемогает душа окаянная, вследствие неизбежного ополчения, бывающего на нее. Это есть та сила великости греха, которую враг обыкновенно приводит в смущение души целомудренных, и чистые движения понуждает испытывать то, чего никогда они вовсе не испытывали. Здесь, возлюбленные братья, мы показываем свое терпение, подвиг и рачение.

В этой лютой брани не всегда бывает победа целомудрия, потому что человек и ради искушения оставляется без помощи. Но горе немощному, искушаемому в сей испытующей брани, потому что брань сия приобрела величайшую силу вследствие привычки (побеждать), полученной ею от тех, которые сами себя предадут на поражение сочетанием (принятием их, согласием с ними) со своими помыслами.

Человек может иногда отсечь страсти; вдали от них наслаждается тишиною и веселится, когда прекращаются они; причин же страстей не может отринуть. Поэтому искушаемся и нехотя, и печалимся, когда мы в страстях. Грехов себе не желаем, но приводящие нас к ним причины принимаем с удовольствием. Поэтому вторые делаются виновными в действительности первых. Кто любит поводы к страстям, тот невольно и нехотя становится подручным и поработается страстям. Кто ненавидит свои грехи, тот перестает грешить; и кто исповедует их, тот получит отпущение. Невозможно же человеку оставить навык греховный, если не приобретет прежде вражды ко греху, и невозможно получить отпущение прежде исповедания прегрешений. Ибо исповедание согрешений бывает причиною истинного смирения; смирение же — причиною сокращения, последующего в сердце от стыда.

Если не возненавидим того, что достойно порицания, то, пока носим это в душах своих, не можем ощутить зловония и смрада действительности этого. Пока не отринешь от себя того, что неуместно, до тех пор не уразумеешь, каким покрыт ты срамом, и не уразумеешь стыда от сего. Когда же бремя свое (грехи, подобные твоим) увидишь на других, тогда уразумеешь лежащий на тебе стыд. Удались от мира, и тогда узнаешь зловоние его. А если не удалишься, не уразумеешь (насколько он смраден); напротив же того, скорее как в благоухание облечешься в зловоние его, и наготу стыда своего будешь почитать завесою славы.

Слова подвижнические

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Новую книгу архимандрита Тихона ««Несвятые святые» и другие рассказы» уже назвали современным патериком. Однако сам отец Тихон не согласен с такой классификацией. Его книга — не жизнеописание святых. В ней он пытался рассказать об обычных людях. Эта книга — о промысле Божиим и о жизни христиан в конце XX — начале XXI века.

Прихожанка нашего монастыря Мария Георгиевна Жукова, дочь знаменитого маршала Георгия Константиновича Жукова, как-то с печалью рассказала мне, что ее бабушка по матери, Клавдия Евгеньевна, которой исполнилось 89 лет, не причащалась с самого детства. Беда была еще и в том, что Клавдия Евгеньевна уже несколько лет страдала старческим умственным расстройством и неадекватно реагировала на окружающее. Доходило до того, что она не узнавала даже свою любимую внучку и, увидев Марию Георгиевну, совершенно спокойно могла сказать: «Вы кто? А где же моя внучка? Где Маша?» Мария Георгиевна заливалась слезами, но врачи говорили, что это уже необратимо. Так что даже просто взять в толк, желает ли Клавдия Евгеньевна исповедоваться и причаститься и вообще, хочет ли видеть в своей комнате священника, совершенно не представлялось возможным.

Знакомые батюшки, к которым обращалась Мария Георгиевна, только разводили руками: причащать старушку, да при этом даже не иметь возможности понять, верует ли она в Бога (всю сознательную жизнь Клавдия Евгеньевна была членом компартии, атеистом), никто не решался.

Мы с Марией Георгиевной долго размышляли над этой необычайной ситуацией, но так ничего и не смогли придумать. В конце концов я не нашел ничего лучше, как сказать:

— Знаете, Маша, одно дело — наши человеческие рассуждения, а другое — когда мы придем к вашей бабушке со Святыми Христовыми Тайнами. Может, Господь каким-то образом Сам все управит? А больше нам и рассчитывать не на что!

С этим Мария Георгиевна согласилась.

Но предложить-то я это предложил, а, честно признаться, сам мало верил, что нам что-нибудь удастся. А поэтому, к моему стыду, долго откладывал посещение больной. Превозмогали самые простые опасения: было не по себе идти со святым причастием к человеку, который, скорее всего, даже не поймет, зачем ты здесь появился. Кроме того, как всегда, появились то одни срочные дела, то другие...

Наконец Мария Георгиевна проявила настоящую отцовскую настойчивость. Да и мне стало стыдно за мое малодушие. В итоге, в ближайшие дни мы решили осуществить два дела сразу: освятить маршальскую квартиру

и попытаться исповедовать и причастить бабушку. Если она, конечно, сама этого захочет и правильно воспримет мой визит. Последнее было немаловажно: Мария Георгиевна предупредила, что бабушка может и рассердиться. И еще оказалось, что она совершенно не переносит людей в черной одежде.

Час от часу не легче! Пришлось наспех шить белый под-
рясник. И наконец мы направились освящать

квартиру маршала Жукова и причащать его тещу. К слову сказать, теща-то была непростая: пожалуй, это была единственная теща за всю историю человечества, которой зять (и какой зять! Георгий Константинович Жуков был чрезвычайно требователен к людям) выразил публичную благодарность на титульном листе своей известной книги воспоминаний!

Признаюсь, не без страха, в белом подряснике, со Святыми Дарами в дарохранительнице, висящей на груди, я вошел в комнату, где в постели лежала маленькая сухонькая старушка,

очень чистая и благообразная.

То и дело робко оглядываясь на Машу, я подошел к кровати и осторожно произнес:

— Э-эээ... Здравсте, Клавдия Евгеньевна!..

Бабушка смотрела в потолок совершенно рассеянным, отсутствующим взглядом. Потом она медленно повернулась ко мне.

И взгляд ее стал совершенно иным.

— Батюшка! — воскликнула она. — Наконец-то вы пришли! Как долго я вас ждала!

Я ничего не понял! Мне рассказывали, что старушка — в глубоком маразме (назовем вещи своими именами), что она уже несколько лет, как совершенно лишилась ума, а тут?.. В полном недоумении я повернулся к Марии Георгиевне.

Но если я был удивлен, то Маша и ее подруга, которую она пригласила на освящение квартиры, были просто потрясены! Мария Георгиевна заплакала и даже выбежала из комнаты, а подруга, придя в себя, объяснила мне, что ничего подобного, в смысле разумной речи, они не слышали от Клавдии Евгеньевны уже третий год!

А тем временем Клавдия Евгеньевна продолжала:

— Батюшка! Но что же вас так долго не было?

— Простите, пожалуйста, Клавдия Евгеньевна! — от всего сердца попросил я прощение. — Я и вправду виноват! Но вот сейчас все-таки пришел...

Архимандрит
Тихон (Шевкунов)

Теща маршала Жукова

— Да, да! И мы с вами должны сделать что-то очень важное! — сказала Клавдия Евгеньевна. И восторженно добавила: — Только я не помню — что?

— Мы должны с вами исповедоваться и причаститься.

— Совершенно верно, это мы с вами и должны сделать! Только вы, пожалуйста, мне помогите!

Нас оставили вдвоем. Я подсел на стульчик к кровати, и, с моей помощью, конечно, Клавдия Евгеньевна полчаса искренне и совершенно бесстрашно исповедовалась за всю свою жизнь, начиная с десяти лет, когда она, еще гимназисткой, последний раз была у исповеди. При этом она обнаружила такую поразительную память, что я только диву давался!

Когда Клавдия Евгеньевна закончила, я пригласил Машу и ее подружку и при них торжественно прочел над старушкой разрешительную молитву. Она же, сидя в кровати, просто сияла!

Наконец мы причастили ее Святых Христовых Таин. Удивительно, но когда я начал читать положенную перед причащением молитву: «Верую, Господи, и исповедую...», Клавдия Евгеньевна вдруг сама сложила крестообразно руки на груди, как это и положено при причащении. Наверное, на память к ней вернулись образы ее давнего детского причастия.

Закончив с главным, мы дали бабушке просфорку,

размоченную в святой воде, и Клавдия Евгеньевна улеглась в кровати, спокойная и умиротворенная. Только с удовольствием пожевывала просфорку своим беззубым ртом.

Тем временем мы взялись за освящение квартиры. Когда я зашел с чашей святой воды освящать комнату Клавдии Евгеньевны, она, увидев меня, вынула изо рта просфорку и приветливо мне кивнула.

После освящения мы с Марией Георгиевной, ее сыном Егором и подругой сели за стол перекусить. За разговором прошло, наверное, часа полтора.

Собравшись домой, я зашел проститься с Клавдией Евгеньевной. Старушка по-прежнему лежала в кровати, но я сразу заметил, что с лицом ее что-то случилось. Левая половина как бы опала и была совершенно неподвижной. Я крикнул Марью Георгиевну. Та бросилась к бабушке, стала спрашивать, что с ней, но Клавдия Евгеньевна не отвечала. Мы поняли, что это паралич.

Так оно и оказалось. Слова покаяния на исповеди были последними, которые Клавдия Евгеньевна произнесла в своей жизни. Вскоре она скончалась. По благословению Святейшего Патриарха мы отпевали ее у нас в Сретенском монастыре. Министерство обороны выделило для похорон тещи маршала Жукова специальную военную команду.

По страницам книги
«Несвятые святые» и другие рассказы»

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

Спасибо за тёплый приём!

По итогам отборочного тура наша театральная студия, которая существует уже не один год, получила возможность поехать на гала-концерт в г. Рубцовск. То, что постановка «Житие Петра и Февронии» понравилась жюри на отборочном туре в Барнауле, стало неожиданным, но необыкновенно приятным для всех учеников нашей театральной студии. Это, по сути, первые для нас гастроли, и они стали знаменательным событием для всей театральной студии. Поездка была для нас необычайно интересной и полезной. Мы имели возможность увидеть театральные постановки, выполненные воцерковленными людьми. И мы убедились, что верующие люди, даже дети, иначе держатся на сцене, исполняя роль. Интересно, что при этом театральное искусство для верующих людей — не основная сфера их интересов. И, конечно, уделять значительное время театральному мастерству у них нет возможности. Но просмотр постановок фестиваля «Жар птица» даже невоцерковленным зрителям дает понять, в чем же секрет этого творчества... И секрет этот, пожалуй, заключен в трех вещах: простота, духовная чистота и искренность. Никакие актерские тренировки и техники корифеев театрального искусства, наверное, не смогли бы дать той искренности, с которой ребята выходили на сцену. Это, конечно же, для нас, как для людей профессионально изучающих театральное искусство, стало большим и даже неожиданным открытием и уроком на будущее. Впечатления от поездки остались положительные и очень яркие. Спасибо тем людям, кто взял на себя всю организацию нашего путешествия. Для нас были предоставлены очень хорошие условия, отношение к нам было открытым и доброжелательным... Порой мы даже ощущали себя настоящими гастролерующими артистами. Огромное спасибо фестивалю «Жар-Птица» и городу Рубцовску за столь тёплый приём!

Кирилл Скобелин

20 ноября в г. Рубцовске состоялся заключительный тур II Епархиального фестиваля детских театральных коллективов «Жар-птица». Учащиеся театральной студии нашей Воскресной школы под руководством Е. Анисимовой представили на суд жюри и зрителей постановку «Житие Петра и Февронии». По результатам конкурса наши юные артисты были награждены Дипломом II степени.

«Но восприял меня Творец...»

19 НОЯБРЯ 2011 ГОДА – 300 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ М.В.ЛОМОНОСОВА

300 лет назад, в селе Мишанинском Куроостровской волости Холмогорского уезда Архангельской губернии в семье помора, черносошного крестьянина, родился человек, о котором мы вспоминаем с почтением и восторгом.

Когда в досужем разговоре или учёной беседе возникает тема Ломоносова — даже самые надменные мыслители нередко переходят на восторженный лепет.

«Рождённый под хладным небом северной России, с пламенным воображением, сын бедного рыбака сделался отцом российского красноречия и вдохновенного стихотворства. Ломоносов был первым образователем нашего языка; первый открыл в нём изысканность, силу и гармонию...», — такой поклон отвесил Михайле Васильевичу Карамзин.

А это Тютчев:

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим...
Но Бог недаром в нем сказался —
Бог верен избранным Своим...
<...>

Да, велико его значенье —
Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам Просвещенье,
Не нас поработил ему, —

Как тот борец ветхозаветный,
Который с Силой неземной
Боролся до звезды рассветной
И устоял в борьбе ночной.

Тютчев неотразимо точен — таким он бывал в лучших своих стихах. «Верный Русскому уму» — вот формула Ломоносова. Мы превратили патриотизм в истёртое понятие, пытаемся изобразить патриотизм по заказу, а Ломоносов просто не мог ничем заниматься, если не было ощущения, что он защищает честь России. Человечество, история мировой науки — для Ломоносова всё это было дело десятое. Он служил Отечеству, которое в стихах высокопарно воспевал без притворства.

Патриотизм был для него средством борьбы с искушениями, которые особенно опасны для одарённых и деятельных людей. Это снобизм, тщеславие, эгоизм, гордыня. Ведь для творческого человека снобизм — как водка для звенка. Мгновенно подчиняет и уничтожает душу. А, когда ты бьёшься за Отечество, как Ломоносов, — ты уже не заносчивый сверхчеловек, а солдат. Это,

помимо прочего, отличное средство борьбы с ощущением собственного величия...

Для Отечества Ломоносов создавал риторику, открывал законы физики и химии, проникал в искусство мозаики. Боролся, как мог, с комплексом национальной неполноценности, составляя патриотический вариант истории Руси. И вот парадокс: хотя Ломоносов был откровенно пристрастным историком, многие его предположения, как показало время, оказались ближе к научной правде, чем гипотезы тех учёных, которые гордились своей холодной объективностью...

Когда властям требовалось пробудить в русском народе самоуважение — они обращались к наследию Ломоносова. Так было при Александре III, так случилось в 1930 — 50-е годы... В каждом школьном классе был портрет Ломоносова, а в кино его играли лучшие актёры нашей страны. Богатыри ломоносовской породы!

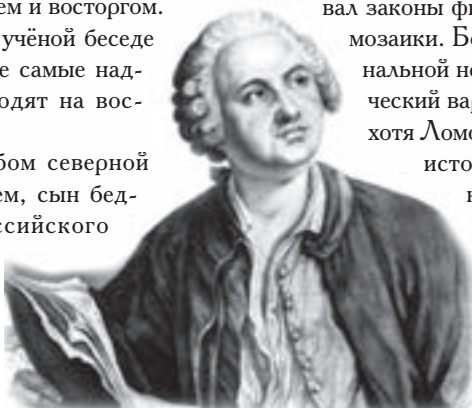
В православном мире принято критическое отношение к просветителям XVIII века. И это не удивительно. Идеология французской революции — агрессивное безбожие. Многим казалось очевидным и неизбежным, что развитие науки ведёт к материализму. Но все попытки приписать Ломоносова к предтечам научного атеизма выглядели бледно.

Что могли предъявить исследователи, доказывая «антиклерикализм» великого просветителя? Пожалуй, только «Гимн бороде» — язвительную (но не кощунственную!) сатиру на староверов, да и не только на них.

Во многом Ломоносов был родственной душой для своих современников — французских и немецких просветителей. Как и они, он стремился к познанию материального мира, видел в развитии просвещения ключ к исправлению нравов. Но при этом русский просветитель понимал, что есть и другое измерение бытия, которое невозможно усовершенствовать лабораторными экспериментами.

Религиозность Ломоносова подчас объясняют его происхождением.

Ведь его родительница — урождённая Елена Ивановна Сивкова — была дочерью дьячка Воскресенской церкви

«Ломоносов — из тех гениев, что появляются в истории народов не то чтобы раз в столетие или раз в тысячулетие, а вообще — один только раз. Появляются, чтобы сказать соотечественникам, что кроется в каждом из них, но и подавляется, чуть ли не каждым из них. Судьба Ломоносова вместила в себя семь веков, которые были до него, и почти три века, которые были после. Читать Ломоносова и писать о Ломоносове надо, в сущности, с одной целью — чтобы разобраться в самих себе».

Лебедев Е.Н

Николаевских Матигор и просвирни. Дядя — Лука Леонтьевич, в доме которого Ломоносовы жили вплоть до смерти Елены Ивановны, — был приходским старостой.

Елена Ивановна умерла, когда Михайле было восемь. Он рано повзрослел, трагедия обострила духовные искания. Подростком Ломоносов на некоторое время примкнул к беспоповцам, потом вернулся в лоно Церкви. В детстве он много страдал и возмужал до срока — даже по северорусским меркам XVIII века.

О тех метаниях молодой души мало что известно, но для нас важно, что Ломоносов никогда не был железным прагматиком, холодным рационалистом и скептиком, голос Евангелия постоянно звучал в его сердце. Это нельзя объяснить влиянием матери или деда. Сотни поповичей, уйдя в науку, а то и в революцию, стали убеждёнными богоборцами или, подобно академику Павлову, скептиками...

Норов у Михайлы Васильевича был неуёмный, свободолюбивый. И Ломоносов пришёл к вере, осознанно избрав смирение критического ума — все остальные дороги вели в сторону от храма.

Он всю жизнь напряжённо размышлял о соотношении науки и религии в мире, в обществе и в собственном сердце. Постараемся осмыслить эти рассуждения Ломоносова:

«Природа и вера суть две сестры родные, и никогда не могут прийти в распрю между собою. Создатель дал роду человеческому две книги: в одной показал свое величество, в другой свою волю. Первая книга — видимый сей мир. В этой книге сложения видимого мира физики, математики, астрономы и прочие изъяснители Божественных в природу влияющих действий суть то же, что в книге Священного Писания пророки, апостолы и церковные учителя. Не здраво рассудителен математик, ежели он хочет Божественную волю вымерять циркулем. Также не здраво рассудителен и учитель богословия, если он думает, что по псалтыри можно научиться астрономии или химии».

Рациональное и духовное, земное и недостижимое — в мировоззрении Ломоносова эти начала уживались если не бесконфликтно, то мирно. Мало кто из неутомимых исследователей природы с такой светлой убеждённостью благословлял всё сущее...

Быть гением — это, прежде всего, обременительный долг. Ломоносову приходилось бороться с куда более сильными искушениями, чем те, которые одолевают нас... Он бывал и вспыльчивым, и гневливым, подчас держался гордецом.

Тем ценнее смирение Ломоносова перед Господом, его взмывающий к небу риторический вопрос: «Скажите ж, коль велик Творец?..». Или — «О ты, что в горести напрасно. \\ На Бога ропщешь, человек...» Это, конечно, песни личного опыта...

Побеждая в себе гордыню, Ломоносов переплавлял её в «благородную упрямку». Это смелость, настойчивость. И — умение терпеть и смиряться. Ради высокой цели, за други своя.

Ломоносов в переписке не разводил дипломатию, изъяснялся откровенно. Прямодушие, доходившее до горячности, нередко сказывалось и в устном общении.

Но до уровня исповеди он поднимался, пожалуй, только в духовной лирике — и это говорит о многом.

Сама идея переложения псалмов чёткими четырёх-стопными ямбами — безусловно, дерзновенная. Но у Ломоносова получились стихи чистосердечные, нисколько не эгоцентричные.

В Литинституте русскую литературу XVIII века нам читал Евгений Николаевич Лебедев — биограф Ломоносова, умевший взволнованно, прочувствованно и без суетливого наукообразия мыслить и рассказывать о поэзии давно минувших дней. Своим поставленным артистическим баритоном он оживлял стихи, которые многим казались архаичными. Чаще всего он декламировал переложение 26-го псалма — со слезой в голосе, как будто признавался в чём-то личном:

Меня оставил мой отец
И мать еще в младенстве;
Но восприял меня Творец
И дал жить в благоденстве.

Настави, Господи, на путь
Святым твоим законом,
Чтоб враг не мог поколебнуть
Крепящегося в оном.

Меня в сей жизни не отдай
Душам людей безбожных,
Твоей десницею покрывай
От клеветаний ложных...

Я чаю видеть на земли
Всевышнего щедроты
И не лишиться николи
Владычния доброты.

Ты, сердце, духом укрепись,
О Господе мужайся,
И бедствием не колеблись,
На Бога полагайся.
А ведь и для Ломоносова это были очень личные стихи.

С отцом у него сложились непростые отношения: Василий Ломоносов подчас тиранил свободолюбивого сына, не поладил Ломоносов и со второй своей мачехой.

И всё-таки в веках сохранилась легенда: в 1741-м году, находясь вдали от семьи, Ломоносов увидел провидческий сон. Отец умирал после кораблекрушения на безвестном острове и молил, чтобы его похоронили по-христиански. Всё это и впрямь случилось с Василием Ломоносовым в те дни. Михайло Васильевич сообщил поморам, где искать отца. И тело его действительно нашли на острове...

Удержаться от уныния, «укрепиться» помогало обращение ко Всевышнему. По этим стихам видно, как умел Ломоносов открывать сердце молитве.

Каких бы успехов ни достигал Ломоносов в науке и политике, он не бросал духовную поэзию, которая была для него голосом души. И славил Творца — не только во весь голос, но и шёпотом, наедине с молитвой.

Арсений Замостьянов
Праволавие и мир

Велик зиждитель наш Господь!

Я долго размышлял и долго был в сомненье,
Что есть ли на землю от высоты смотренье;
Или по слепоте без ряду всё течет,
И промыслу с небес во всей вселенной нет.
Однако, посмотрев светил небесных стройность,
Земли, морей и рек доброту и пристойность,
Премену дней, ночей, явления луны,
Признал, что божеской мы силой созданы.

Устами движет Бог; я с ним начну вещать.
Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения ума священного открою.
Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечет меня охота
И облаком нестись, презрев земную низкость.

Утреннее размышление о Божием величестве

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божие дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

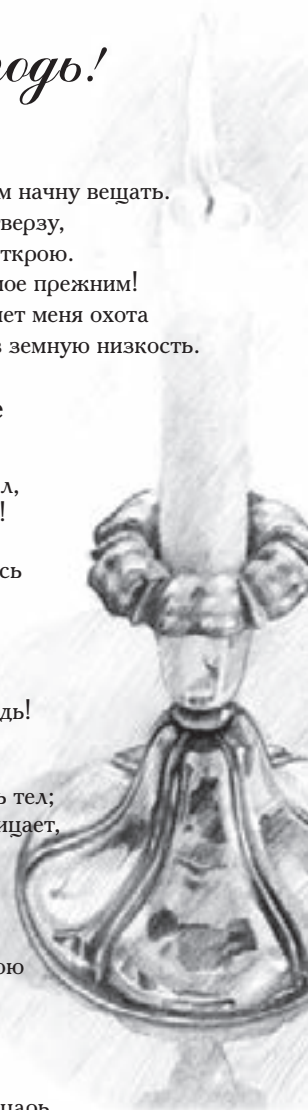
Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада

Тобою, боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполнены твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик зиждитель наш Господь!

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Льетса радость твари всей.

Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда твориши научи,
И, на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

Иоасаф, царевич Индийский

память празднуется 2 декабря по новому стилю

В Индии, некогда получившей христианскую веру через благовествование святого апостола Фомы, правил царь Авенир, идолопоклонник и жестокий гонитель христиан. Долго не было у него детей. Наконец, родился у царя сын, названный Иоасафом. При рождении царевича мудрейший

царский звездочет предсказал, что царевич примет гонимую его отцом христианскую веру. Царь, желая предотвратить предсказанное, приказал выстроить для царевича отдельный дворец, где и должен был воспитываться Иоасаф.

Когда же он начал подрастать и приходиться в

смысл, царь приставил к нему пестунов и слуг, чтобы они не позволяли никому постороннему приходить к царевичу. Кроме того, царь распорядился, чтобы они ничего не говорили царевичу о печалях этой жизни: смерти, старости, болезни и других скорбях, знание которых препятствовало бы его веселью, для того, чтобы ум царевича, всегда занятый наслаждениями и удовольствиями, не мог размышлять о будущем. Царь повелел также, чтобы никто не смел сказать ни одного слова о Христе, так чтобы Иоасаф никогда не услышал даже имени Христова.

Достигнув юношеского возраста, царевич испросил у отца разрешения выезжать за пределы дворца и увидел тогда, что существуют страдания, болезни, старость и смерть. Это навело царевича на размышления о суетности и бессмысленности жизни, и он стал пребывать в тяжких раздумьях.

В то время в далекой пустыне подвизался мудрый отшельник преподобный Варлаам. Божиим откровением он узнал о страждущем в поисках истины юноше. Выйдя из пустыни, преподобный Варлаам под видом купца отправился в Индию и, прибыв в город, где находился дворец царевича, объявил, что привез с собой драгоценный камень, обладающий чудодейственными свойствами исцелять болезни. Приведенный к царевичу Иоасафу, преподобный Варлаам стал излагать ему христианское вероучение в виде притч, а затем и «от Святого Евангелия и Святых Апостол». Из наставлений Варлаама юноша уразумел, что драгоценный камень есть вера в Господа Иисуса Христа, уверовал в Него и пожелал принять святое Крещение. Окрестив царевича, преподобный Варлаам заповедал ему пост и молитву и отошел в пустыню.

Царь, узнав, что сын его стал христианином, впал в гнев и скорбь. По совету одного из вельмож, царь устроил прение о вере между христианами и язычниками, на которое под видом Варлаама явился маг и чародей Нахор. Нахор должен был признать себя в прении побежденным и таким образом отвратить

царевича от христианства. Через видение во сне святой Иоасаф узнал об обмане и пригрозил Нахору лютой казнью, если тот окажется побежденным. Убоявшийся Нахор не только победил язычников, но и сам уверовал во Христа, раскаялся, принял святое Крещение и удалился в пустыню.

Царь пытался отвратить сына от христианства и другими средствами, но царевич преодолел все соблазны. Тогда по совету вельмож Авенир выделил сыну половину царства. Святой Иоасаф, став царем, восстановил христианство в своей стране, отстроил заново церкви и, наконец, обратил в христианство своего отца царя Авенира. Вскоре после Крещения царь Авенир преставился, а святой царевич Иоасаф оставил царство и ушел в

пустыню на поиски своего учителя старца Варлаама. В течение двух лет странствовал он по пустыне, терпя напасти и искушения, пока нашел пещеру преподобного Варлаама, спасавшегося в безмолвии. Старец и юноша стали подвизаться вместе. Когда приблизилось время кончины преподобного Варлаама, он отслужил литургию, приобщился Святых Тайн и причастил святого Иоасафа и с тем отошел ко Господу, пробив в пустыне 70 лет из прожитых ста лет. Совершив погребение старца, святой Иоасаф остался в той же пещере, продолжая пустынный подвиг. Он пробыл в пустыне 35 лет, отошел ко Господу, достигнув шестидесятилетия.

Преемник святого Иоасафа по царству, Варахия, по указанию некоего отшельника, нашел в пещере нетленные и благоуханные мощи обоих подвижников, перенес их в свое отечество и предал погребению в церкви, воздвигнутой преподобным царевичем Иоасафом.

Жития святых для детей

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

В Сан-Франциско ещё вчера,
а в Тобольске уже завтра

Продолжение. Начало №№ 10-12, 2010 г., № 1-10, 2011 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Встречи в Поднебесной

3

Яба

Шанхай готовился к Новому году, по тому случаю весь город находился как бы в непрерывном движении: повсюду уханье барабанов и гудение сона. На площадях построили театральные подмостки. Оттуда гремели гонги и громоподобно вздыхали барабаны пфу. Шумно, весело справлял Шанхай Новый год, будто не было сражений Красной армии Китая с армией гоминьдана. В Поднебесной в этот день словно забыли, что японцы захватили часть страны и рвутся завладеть всем Китаем, чтоб построить великую Японию. Даже отец Ябы, несмотря на удачный день, когда он со своей коляской на расхват, впервые за весь год пришёл домой пораньше. Он был непривычно весел и, обычно неразговорчив, сегодня, едва войдя, сразу сказал много слов:

— Сегодня, — сказал он, — я возил иностранных господ. Они приехали посмотреть на наш Новый год. Неужели иностранцам интересно, а нам нет? Пойдём и мы смотреть. Я сегодня немного заработал серебра, да ещё раньше скопил немного. Куплю тебе сладостей.

— Мне не обязательно, пап.

Яба никогда ничего не просил у отца, не хотел его расстраивать напоминанием, что у них всегда острая нехватка денег, и что-то просить, значит, заставить отца печалиться, что не может он позволить себе побаловать сынка чем-нибудь вкусеньким.

— Не надо, па, ничего покупать... сладостей.

— А разве я зря копил? Пойдём, я сделаю себе немножко радостей, когда буду видеть, как тебе нравятся сладости.

После таких слов отца мальчик уже не мог сопротивляться. Побежал за отцом, который уже выходил из клетушки.

Они шли среди шума и грохота барабанов. Казалось, эти гремучие бочонки свалились с неба, как град, так их было много повсюду. Вошли в многолюдные торговые ряды с развешанными и разложенными игрушками, украшениями. Повсюду продавались сладости из пшеничной муки, риса, сахара, засахаренные тыквенные семечки, да и много другого всего, совсем непонятного для Ябы и отца его. С приходом сумерек торговцы принялись зажигать фонари: деревянные, бумажные, тряпичные — много фонарей. Столько, что в глазах рябило. Свет от них тускло лился на лотки и тележки с товаром. Со всех сторон неслись от лавочников крики, которые с наступлением темноты становились ещё громче. Тут и там всё чаще раздавались взрывы хлопушек. Своры дворняг — чёрных, рыжих, серых псов дрожали от страха. Вспышки хлопушек распарывали мрак ночи. И в их свете на мгновения возникали деревья, дома, во дворах которых стояли изображения Цзаована. Вокруг божеств тлеи благовонные свечи, и дымились веточки кипариса.

Яба непрерывно вертел головой. Ему всё было интересно. Он то и дело останавливался, заглядевшись на какое-нибудь чудо. Отец не торопил его, радовался радости сына. Впервые водил он его по праздничному ночному Шанхаю. Яба опять остановился. Его внимание привлек запах благовонных свечей перед богом богатства — Цай

Шэнем. Шумно вдохнул мальчик в себя благовоние. А отец, отвесив божеству надлежащий поклон, повёл сына дальше. Лотошник, возле которого они проходили, крикнул:

— Купите каштаны, жаренные в сахаре.

Отец не знал, что это такое. Посмотрел вопросительно на сынишку. А тот боялся купить что-нибудь не очень вкусное, и тогда деньги будут потрачены без большой пользы, поэтому промолчал, и они отошли от лотошника. В другом месте продавали бобы в сахаре. И опять отошли ни с чем. Между лотками было тесно. Мальчик пошёл впереди. Отец смотрел на его занюханные, все в дырках штанишки и решил, что купит не сладости, а материю. Завернули в небольшую лавочку и там нашли, что нужно. Радостные, с покупкой повернули домой.

Фейерверки сверкали всё чаще и ярче. С обеих сторон опять зазывали отца и сына купить сладости. Но теперь им не на что было покупать их. Все деньги потратили на ткань, чтоб сшить Ябе штанишки. Радость переполняла обоих. Они шли и любовались тканью. Вдруг Яба прикрыв ткань ладошкой.

Отец понял его страх:

— Кругом люди, светло от фонарей. Никто не смеет.

Навстречу два солдата-гоминьдановца.

— Ну, вот видишь, и солдаты тут за порядком следят, — успокаивал он сына. — Чего ты так оробел?

Солдаты вдруг загородили им путь и строго начали что-то требовать. Ни отец, ни его сын не понимали их языка. Видимо, солдаты были с Севера и говорили не на гоюй (национальный государственный язык в унифицированном произношении). Солдаты продолжали что-то требовать. Один из них вдруг ухватился за ткань и попытался выдернуть её из рук отца. Но отец сжал её обеими руками, да ещё зубами прихватил. Повели отца с сыном в комендатуру. На крыльце втолкнули отца внутрь, а мальчика отшвырнули. Он сделал попытку — ворваться в двери за отцом. Грузный солдат схватил его. Тощенькое тельце билось в его могучих руках. Изнемогая, мальчик вдруг разревелся, как двухлетний ребёнок. Солдат разжал руки, и Яба тут же влетел в комнату. Отец лежал на полу скорюченный, прижимая материю к животу. Солдаты били его, пинали. Яба бросился к отцу, упал на него, защищая руками. Солдат пнул мальчика, да так, что он отлетел к стене, ударившись об неё. Из носа и рта хлынула кровь. И только тогда отец выпустил ткань из своих рук. Солдаты подхватили её и больше уже не обращали на отца с сыном никакого внимания. Отец на четвереньках подполз к мальчику: «Сынок!.. Ты живой?» Превозмогая собственную боль, поднял ребёнка на руки и понёс домой. Солдаты не препятствовали. Они в это время разворачивали на столе ткань, цокали от удовольствия языками...

Всё это Анна Петровна услышала от Сони и уже чуть ли не бежала в сторону трущоб. Не вошли, а ворвались в клетушку тесного обиталища мальчика Ябы и его отца. Соня ещё и порог не успела переступить, как воскликнула тревожно:

— Как он?!

На куче ватных очёсов, скорчившись, лежало маленькое, щупленькое тельце. Анна Петровна заглянула в лицо.

— Яба. Мальчик мой!

Но мальчик даже не шевельнулся. Возле него, сгорбившись, сидел отец, готовый сам умереть от горя.

— Как он?! — повторила свой вопрос Соня.

Отец, не поднимая глаз, проговорил:

— Ведь он меня защищал... сынок мой...

Анна Петровна пощупала мальчика — тёплый ли? Поискала пульс.

— Доктора вызывали?

— Нечем платить. Всё потратили на материю.

— Я за доктором. — Анна Петровна распрямылась и быстро направилась к двери. Отец в недоумении смотрел на неё. — Не беспокойтесь, я за всё заплачу.

Отец вскочил.

— Я на коляске вас... как ветер.

— Оставайтесь с мальчиком. И ты, Соня, останься.

Анна Петровна выбежала на главные улицы. Металась по ним, ловя взглядом пролетающих мимо рикш. Свободных не было. Рванула пешком — по улицам, переулкам, через джунгли трущоб. Чуть ли не бегом везде. Все думы только об одном: успеть к живому.

А вот и, наконец, серое строение русского госпиталя. Доктор, услышав, что вызов из трущоб, сразу завёл речь о гонораре. Анна Петровна заявила, что о гонораре рядиться не будет, и доктор согласился. Взял в госпитале подводу.

...Мальчик лежал по-прежнему — скорчившись. Рядом отец всё в той же согбенной позе. Соня держала руку своего друга. Доктор послушал его со спины, с груди.

— Не могу вас утешить, — сказал.

— Может, лекарства нужны... дорогие? Вы не беспокойтесь, я заплачу. Только полечите, пожалуйста! — воскликнула умоляюще Анна Петровна.

— Лекарства не помогут... — Доктор принялся мудрёно объяснять.

— Всё-таки... — с надеждой уставилась на него Анна Петровна. — Может, операция нужна. Отвезите его в госпиталь, прошу вас.

— Не довезём.

— Пожалуйста! — не отступала Анна Петровна.

— Он крещёный, — пролепетал отец, жалобно глядя доктору в глаза. Это был последний, как казалось ему, важный довод, который умилюстит русского доктора, тоже, наверное, крещёного. Чувствовал: только от этого важного господина зависит жизнь его любимого сыночка. Пал ему в ноги.

Это, кажется, подействовало. Доктор открыл свой баульчик, достал шприц и ввёл в спину мальчика лекарство. Положил на стол несколько пакетиков.

— Инъекция может привести его в чувство, но кроме мучений, это ничего ему не даст. А порошки пусть выпьет с тёплой водичкой.

Доктор повернулся уходить. Отец полз за ним на коленях. Хватался за его халат.

— Сынок же мой крещёный! Вы не можете так быстро уйти, — кричал он в отчаянии и рыдая. — Крещёный... Крещёный сынок-то мой...

Но на этот раз отец не умилился даже этим волшебным словом.

— Если крещёный, зовите православного священника, — проговорил доктор, приостановившись.

— Зачем?! — вырвалось у Анны Петровны, хотя понимала — зачем.

— Соблудности порядок, пособоровать...

— Соня, проводи доктора до подводы, — упавшим голосом молвила Анна Петровна. — А я — за батюшкой.

Соня с доктором вышли. Отец умоляюще уставился на Анну Петровну.

— За каким батюшкой?

— За священником.

— Постой, не уходи пока... Постой, я тебе что скажу.

Сынок мой много о нём говорил. Его приведите... Пусть не погнушается нами. Может сынок очнётся и от радости выздоровеет.

— О ком вы?

— Владыку Иоанна надо. Его зовите.

— Не знаю, право... Всё-таки епископ... — смутилась она.

— Я никогда ничего у людей не просил. И больше просить не буду. Помогите несчастному отцу.

— Право же, не знаю,

— ещё пуще смутилась женщина. — У него много дел. Возможно, куда-нибудь уехал...

— Иоанна, пожалуйста! Я буду возить вас бесплатно! Ну, пожалуйста, пожалуйста...

— Ладно, ладно... Но, если не найду его, уж не обессудьте, позову любого. Православные священники в Шанхае все хорошие.

Анна Петровна встала перед скрюченным тельцем мальчика на колени и приложила губами к его лбу, проверяя температуру. Подумала: «Странно, лоб мёртвенно холодный...? Хорошо это или плохо? Наверное, всё же плохо... Может... умер?» Поискала пульс и не нашла. Вскочила на ноги и, не показывая отцу, что подавлена, быстро вышла из клетушки.

На этот раз Анне Петровне повезло: только вышла на большую улицу, сразу увидела свободного рикшу. Доехала до архиерейского дома быстро, постучала в двери. Вышел монах. На её просьбу — вызвать владыку, ответил:

— Здесь нет его.

У Анны Петровны будто что-то оборвалось в груди. Хотя она и не давала твёрдого обещания отцу Ябы, привести именно епископа Иоанна, даже наоборот пыталась уверить его, что привести в трущобы архиерея, нереально, а потому приведёт любого священника, какого найдёт. Но теперь ей самой хотелось удовлетворить просьбу несчастного отца. Хоть как-то утешить его.

— Что же делать, Господи?! Вы знаете, — всплакнула она, — убитый горем отец просит только его. — И воскликнула в отчаянии: — Господи, помоги! Владыка Иоанн, помоги!

— Возможно, он в соборе. Зайдите, пожалуйста, туда.

— Да ведь уже три часа как закончилась служба.

— А он и по четыре молится после службы. Послал нам Господь молитвенника.

Анна Петровна торопливо направилась к храму.

Возле собора молодая монахиня просеивала печную золу, отбирая угольки для кадила. Анна Петровна спросила у неё, в храме ли Владыка. Она ответила, что там ещё. Взмолновавшись вдруг, Анна Петровна вбежала по ступенькам паперти, отворила тяжёлую дверь.

В пустоте храма чуть слышно потрескивали горящие свечи. Их огоньки играли в меди подсвечников, собранных в ряд. Пожилая послушница чистила их просеянной золой. Покосилась на Анну Петровну, и та, перекрестившись, присела на скамеечку.

«Сколько придётся ждать?... Можно прождать и час, и два, а владыка не согласится пойти со мной?» Ей нетерпелось взойти на амвон и, приоткрыв дверь в алтарь, позвать владыку. Она едва сдерживала этот порыв. Однако ждать пришлось недолго. Владыка появился в двери алтаря, и Анна Петровна спешно пошла навстречу. Получив благословение, сразу же выложила свою печаль. Закончила в торопливом смущении:

— Здесь недалеко, в пяти минутах ходьбы... Но только в

трущобах.

— Пойдёмте, — без лишних слов проговорил Владыка.

Едва они свернули с Соборной площади в кривой переулок, как попали в дебри трущоб. С обеих сторон теснились не то фанзы, не то сараи. Из дворов тянуло кислыми запахами нечистот. Перед калиткой, вделанной в бамбуковую изгородь, остановились. Вокруг лежали

кучами битые бутылки, черепки посуды, тряпье и прочий всякий хлам. Из-за пелёнок, сушившихся на бамбуковых шестах, выглянула девочка лет десяти. Она недоумённо таращила глазёнки на человека в монашеском облачении. У них в трущобах монахи никогда не появлялись.

— Мы к мальчику Ябе. Позови отца, — сказала ей Анна Петровна. Она не торопилась войти. Ей хотелось, чтобы отец Ябы сам встретил владыку.

Девочка громко крикнула:

— Хэ Да-цин.

Из скопления лачуг, подобных сараям, вышел молодой поджарый мужчина — голый по пояс. Это был отец Ябы. Увидев Анну Петровну и человека в монашеской одежде, как бы опомнился, провёл рукой по оголённому телу и смущённо забормотал:

— Рубашку... я — сыну под голову. Забыл... Совсем дурак... Вы владыка Иоанн? — И когда тот подтвердил, вдруг обрадовался, смутился, замялся, — всё вместе. У него будто рассудок помутился от горя. Бросился на колени в ноги архиерею, принялся быстро кланяться. Худенькая косичка его тряслась вместе с головой. Вскочил на ноги, промямлил: — Если бы только он увидел, если бы только... кто к нам пришёл!

— Что с мальчиком? — спросила Анна Петровна.

Но он будто не услышал его, бормотал:

— Тут не совсем культурно для вас. Вы не замарайтесь где-нибудь. У нас тут немножко...

— Что с сыночком? — уже боясь ответа, вновь спросила Анна Петровна, встав перед отцом Ябы лицом к лицу. И наверное гром с неба не поразил бы её так, как услышанный ответ.

— Нету больше... — kloкотнул горлом отец. — Сынок-то любил его вот... — кивнул он на владыку. — Пойдёмте. — И опять: — Правда, у нас не культурно...

Видно было, что он ужасно стыдится перед епископом своих трущоб. Он так одурел, что непонятно было, чего в нём больше: стыда или горя. Они шли вдоль нагромождённый сараев с тусклыми окошечками и дощатыми дверьми. Отец продолжал мямлить, словно в бреду:

— Зато у каждой семьи тут отдельная клетушка. Кто побогаче, имеют две клетушки. Наша сюда, — кивнул несчастный отец на открытую дверь.

Они вошли.

— Это всё от дождя так, — продолжал пояснять он, указывая на низкие потолки — все в жёлтых пятнах, как будто это было для него теперь самое важное. — Можно бы в клетушку с целой крышей, но за ту и оплата дороже, — лопотал он и, взглянув на сына, разрыдался вдруг, как ребёнок.

Соня сидела рядом с лежащим на ватных очёсах скорченным тельцем, руку его в своей уже не держала. Смотрела куда-то в угол. Губы её вздрагивали. Анна Петровна опять поискала у мальчика пульс и не нашла. Тело на этот раз показалось совсем холодным. Лицо землистое. Губы, глазницы, уши, щёки — всё одного серого цвета. Владыка поставил в углу икону и попросил всех выйти.

Долго не давал о себе знать. Соня не вытерпела, заглянула в дверь.

— Молится, — прошептала.

Молился он, наверное, часа два. Вдруг в тревожной тишине, словно прилетевший откуда-то, послышался зовущий детский голосок:

— Папа.

Все суматошно бросились в клетушку. Остановились посреди. И только отец кинулся к мальчику, нагнулся над ним.

— Папа, тебе больно? — спросил слабым голосом мальчик.

— Не-ет. Меня ведь не сильно пинали. А тебе больно?

Мальчик больше ничего не сказал. Улыбка таяла на неживом его лице. Отец некоторое время безумно смотрел на него. Крикнул страшно:

— О-о-о...! Если бы ты меня не защищал, обнял бы сейчас!

Владыка поднялся с колен, опустил икону в сумку, пошёл к мальчику и положил свою руку ему на голову.

— Бог милостив к своим чадам. Благодарите Господа Иисуса Христа.

Отец тупо смотрел на владыку. Он не понимал его слов. И только когда Анна Петровна разъяснила ему, что его сынок, наверное, будет жить, кинулся в ноги владыке, принялся целовать подол его рясы.

— Это не обязательно... — смущенно проговорил владыка.

— Я вас отвезу. Бесплатно. — Только этим — главным своим богатством мог отблагодарить епископа счастливый рикша.

— Спаси тебя Бог! Только на рикшах я никогда не езжу.

— Я быстро. Я... я... я... Меня рысистым конём называют... — Он что-то растерянно забормотал, владыка успокоил:

— Вам надо быть возле сына. А меня проводит Анна Петровна.

Взволнованная от всего увиденного и услышанного она часто-часто закивала владыке. И как бы опомнившись, заметила в своих руках свёрток, который, оказывается, всё ещё держала в судорожных пальцах. Посмотрела, куда бы положить, и подсунула к тельцу мальчика.

— Здесь ткань от владыки, — пояснила она. — Примите во славу Божию, да закажите ему штанишки и рубашку.

— Рубашку... — ошалело шептал отец. — А я неграмотный, не знаю, как правильно. Простите, если не так... Я бы отвёз, мои ноги мелькают, как спицы у моей коляски. Не откажите мне ради такой радости. Я рикша.

Владыка Иоанн, выходя уже, приостановился и, не поворачивая головы к метущемуся возле него китайцу, начал говорить, словно окутывал его любовью:

— Рикша — само смирение. Зачем же вы не послушались солдат?

Солдаты и всё с ними связанное у счастливого отца отошли куда-то далеко-далеко, будто их никогда не существовало, а потому он не понимал, о чём его спрашивают.

Продолжение следует

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Краткий обзор православных праздников в декабре (по новому и старому стилю)

Преподобного Илариона Грузинского (2 декабря/19 ноября)

Родился преподобный Иларион в 816 г. в Кахетии и очень рано проявил склонность к подвижничеству. В девять лет он знал наизусть Евангелие, а в двенадцать был пострижен в монашество. В шестнадцать лет удалился в Давидо-Гареджийскую обитель, где подвизался десять лет. Непрестанными молитвами, слезами, безмолвием, бдением и постничеством он стал известен всей Грузии. Но слава человеческая была чужда преподобному. Приняв сан иерея, он уклонился от предложенной ему в Грузии епископской кафедры и удалился в Святую Землю на поклонение Гробу Господню. Семнадцать лет провел в Иорданской пустыне в великих подвигах, живя в пещере святого пророка Илии, которая некогда служила жилищем и святому Иоанну Крестителю.

По возвращении на родину преподобный устроил из отчего дома монастырь, постриг в монашество мать и сестру. Затем, посетив Константинополь, удалился на гору Олимп, в Малой Азии, где около 864 г. основал грузинскую обитель. За свою святую жизнь получил от Бога дар чудотворения и исцеления болящих. Известно чудо, когда плененный скифами диакон освободился от оков, призвав имя преподобного. В конце жизни преподобный Иларион удалился в пещеру близ города Солуня, где мирно скончался 19 ноября 875 г.

Мученика Варлаама Кесарийского (2 декабря/19 ноября)

В престарелых годах во время гоений святой мученик Варлаам был схвачен за исповедание имени Иисуса Христа и приведен на суд. Судья, желая принудить святого к отречению от Христа и надеясь на физическую слабость его, приказал положить на ладонь вытянутой над идольским жертвенником руки мученика зажженную курильницу с ладаном, чтобы от страшной боли он невольно бросил бы ладан в огонь и таким образом принес бы жертву идолам. Но сила духа, поддерживаемая Боже-

ственной благодатью, придала крепость и выносливость телу, и святой держал курильницу до тех пор, пока у него не сгорели на руке пальцы.

После этого святой мученик Варлаам предал свою душу Господу (304 г.).

Святитель
Иоасаф Белгородский

Введение во храм Пресвятой Богородицы (4 декабря/21 ноября)

Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских (19/6 декабря)

Святителя Иоасафа Белгородского (23/10 декабря)

Свт. Иоасаф Белгородский вышел из знатного малороссийского рода Горленко. Он родился в день Рождества Пресвятой Богородицы 1705 года в городке Прилуки Полтавской губернии и при крещении наречен был Иоакимом. В восемь лет мальчика отдали в обучение в Киево-Могиланскую академию. Его отец тяжело переживал разлуку и часто размышлял о судьбе ребенка. В один из таких часов ему было даровано видение, указывающее на будущее служение сына: преклонив колени, у ног Божией Матери стоял Иоаким, а ангел Божий покрывал дитя архиерейской мантией. «Довлеет Мне молитва твоя,» — с любовью произ-

несла Пречистая Богоматерь мальчику. Уже с детства Иоакима влекло к трудам и подвигам во славу Божию. Сам он говорил, что возлюбил монашество одиннадцати лет. В восемнадцать лет Иоаким под предлогом продолжения обучения в Киевской академии тайно удалился в Киево-Межигорский монастырь. После принятия рясофора он испросил у родителей прощение за послушание и получил благословение на иночество. В 1727 году он был пострижен в мантию и наречен Иоасафом, а два года спустя рукоположен в сан иеромонаха.

В 1742 году игумен Лубенской обители, Иоасаф, собирая пожертвования на строительство монастырского храма, прибыл в Москву, где сподобился служить в придворной церкви в присутствии императрицы Елизаветы. Здесь он произнес слово о любви к Богу и ближнему. Эта проповедь, поражающая своей глубиной и силой, неопровержимо свидетельствует о восхождении святителя по духовной лестнице от страха Божьего к любви Божией. Деятельное служение ближним и подвиг внутреннего делания — вот два полуса созидания образа Божия, которые сумел объединить в себе Владыка в годы руководством Белгородской епархией.

Однажды, в сонном видении святителю явилась Богородица и сказала: «Смотри, что сделали с иконой Моей служители храма сего. Сей Образ Мой предназначен быть источником благодати для веси сей и всей страны, а они повергли его в сор.» Вскоре в притворе одной из сельских церквей он обнаружил явленный ему Образ. Икона Божией Матери использовалась как перегородка для ссыпания угля. Свт. Иоасаф поставил чудотворную икону, именуемую Песчанской, в подобающее место в храме. Многие знамения Благодати Божией и чудеса исходили от этого Образа.

Провидя близость кончины, свт. Иоасаф повелел соорудить склеп для своего погребения, а сам отправился на родину для последнего свидания с родными. На обратном пути он смертельно заболел. 10 декабря 1754 года свт. Иоасаф отдал свою праведную душу Богу.

Народное почитание свт. Иоасафа началось сразу после его погребения. Прославление свт. Иоасафа Белгородского состоялось в 1911 году.

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.
Учредитель: Александрo-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 16.12.11. Выход по графику 30.11.11

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.